

С.И. Кормилов

Человек и мир

<...>

Стихотворение 1839 года «Есть речи — значенье...» затрагивает тему «невыразимого», особенно известную благодаря Жуковскому, но не раз встречавшуюся и у раннего Лермонтова. Произведение, однако, далеко не сводится к ней. Слову как таковому предпочитаются звуки, очевидно, неземного происхождения, как в стихотворении «Ангел». Но теперь не просто душа томится по ним. Они узнаются, приобщают человека к высшим сферам, вдохновляют его. Невыразимый смысл некоторых «речей» гораздо больше их «значенья». Этот смысл недоступен толпе, поскольку выражающее его слово рождается чудесным образом и противоположно «шуму мирскому». Среди шума

Не встретит ответа...
Из пламя и света
Рожденное слово.

Известно, что издатель «Отечественных записок» А. Краевский не убедил автора исправить стих «Из пламя и света» так, чтобы было «из пламени»: «Нет, ничего нейдет в голову. Печатай так, как есть. Сойдет с рук...». Вызванные неземными звуками слова отбросили нормы грамматики.

Озарение может прийти где угодно — «в храме, средь боя / И где я ни буду». Следствием станет действие, которое важнее и молитвы и битвы: от той и из другой поэт бросится навстречу услышанному слову. Вместе с тем эти звуки несут эмоции, близкие к любовной страсти, они полны

...безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Звуки, по-видимому, коротки, отрывисты. Может быть, отчасти поэтому автор выбирает короткий, тесный для слов размер — двухстопный амфибрахий, как бы ужимает четырех- и трехстопный амфибрахий «Ангела».

Допустимо видеть в стихотворении попытку описать творческое вдохновение, но, безусловно, оно не только о поэзии, а, как и «Пророк», о приобщении чуткого человека к великим тайнам бытия.

<...>